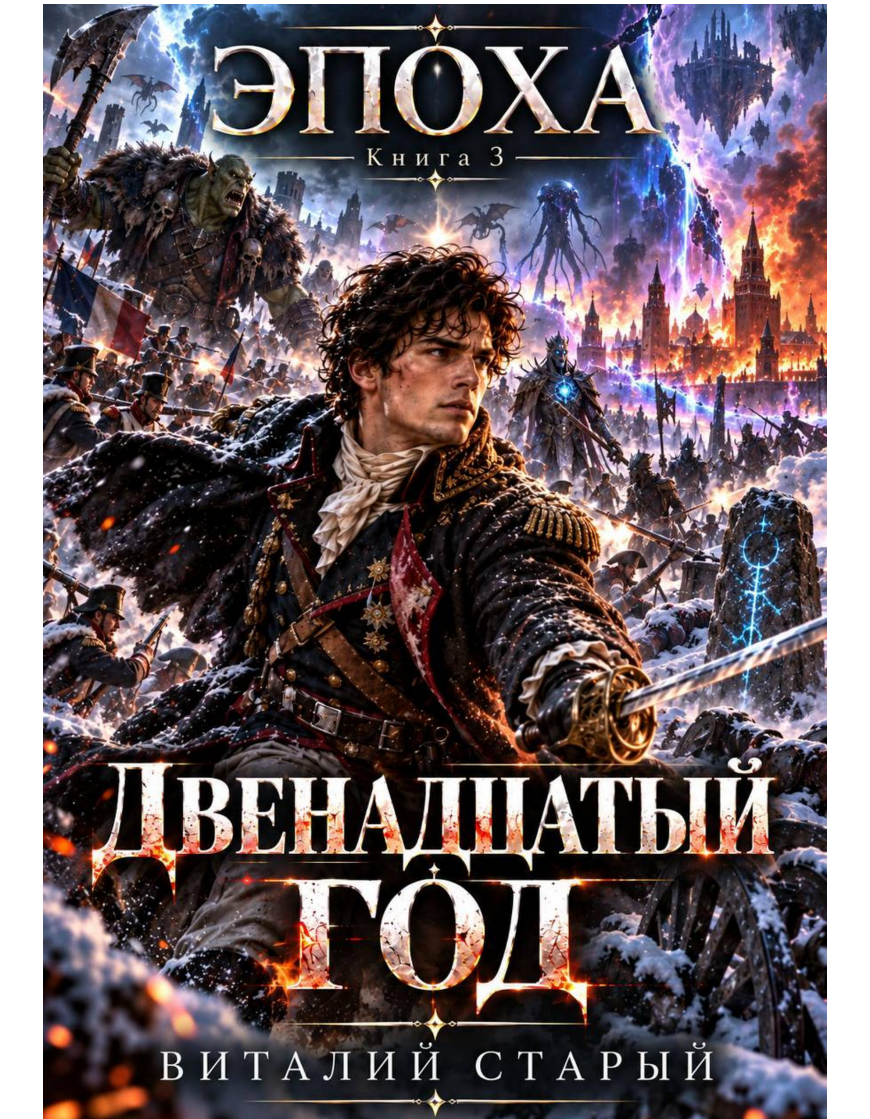

ЭПОХА

Книга 3

ДВЕНАДЦАТЫЙ ГОД

ВИТАЛИЙ СТАРЫЙ

Виталий Старый

Двенадцатый год

<https://litres.ru/74574134>

SelfPub; 2026

Аннотация

1812 год. История идёт к войне — но теперь она уже не принадлежит только людям.

Через Проход в Россию приходят чужие народы, маги и первые игроки. Одни становятся союзниками, другие ищут выгоду, третьи уверены, что всё вокруг — всего лишь очередной игровой сценарий. А на другой стороне войны уже появляются те, кто тоже понял цену необычных людей, странных артефактов и серых камней.

Даня знает, чем должен закончиться этот год. Знает Бородино, Москву, отступление французов. Только знание будущего больше не даёт ему власти над ним. История сопротивляется, люди делают собственный выбор, а любое спасение меняет что-то ещё.

Теперь рядом с русскими солдатами идут орки, маги и пришельцы из других миров. На поле боя сталкиваются армии, чужая магия и правила, которых никто ещё не понимает.

И чем ближе война подходит к Москве, тем яснее становится: главный вопрос уже не в том, можно ли изменить историю.

Главный вопрос — что останется от неё после того, как в неё вошли другие миры.

Содержание

Глава 1. У СВОБОДЫ ЕСТЬ КАНЦЕЛЯРИЯ	4
Глава 2. СТО СОРОК СЕМЬ ЛОЖЕК	31
Глава 3. ПЕРВЫЙ КОЛЫШЕК	61
Г	98
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Виталий Старый Двенадцатый год

Глава 1. У СВОБОДЫ ЕСТЬ КАНЦЕЛЯРИЯ

К зиме выяснилось, что у свободы есть канцелярия.

Сначала Даня этого не заметил. В Слободе по-прежнему дымило из труб, Ниш по-прежнему умудрялась продать человеку его же вещь, а Скорняков по-прежнему считал любой предмет без номера личным оскорблением порядка. На въезде только поставили второй шлагбаум и маленькую будку, в которой сидел солдат с журналом.

Даня прошёл мимо неё трижды, прежде чем часовой решился его остановить.

— Ваше сиятельство.

— Что?

Солдат вытянулся.

— Из поселения будете?

Даня взглянул на дорогу. До ближайшей деревни было меньше двух вёрст. Он собирался проверить мост, который после ночного снега опять повело к ручью.

— Буду.

— Записать надо.

— Меня?

— Так точно.

— Куда?

Солдат показал журнал.

На развороте уже стояли имена: двое плотников, фельдшер, обозный, Вельд, которого писарь всё ещё упрямо записывал «Велтом», и Ниш — одной строкой, перечёркнутой три раза.

— А это почему? — спросил Даня.

Часовой глянул на запись.

— Вышла утром.

— И?

— Вернулась.

— Три раза?

— Четыре. Один раз через крышу. Господин полковник велел крышу за выезд не считать.

Даня оглядел будку, шлагбаум и дорогу.

— Разумно.

Солдат взял перо.

— Цель выезда?

— Мост.

Перо замерло.

— Какой?

— Деревянный.

— Я про цель.

— Посмотреть мост.

Часовой явно надеялся, что граф начнёт шутить и тем самым даст ему право не понимать приказ. Даня не помог.

— Срок возвращения?

— Через час.

— Сопровождение?

— Игнат.

Игнат, стоявший рядом с санями, чуть повернул голову.

— Я не еду.

— Почему?

— Вы не сказали.

— Теперь говорю.

— Я сапоги не взял.

— На тебе сапоги.

— Другие.

Часовой продолжал ждать.

Даня вздохнул.

— Без сопровождения.

— Нельзя.

— Что?

Солдат сглотнул.

— Хранителю Прохода за линию поселения без сопровождения нельзя.

— До моста две версты.

— Так точно.

— Я могу открыть проход между мирами, но не могу съез-

дить к мосту?

Солдат подумал.

— Про проход в инструкции отдельно.

— Конечно отдельно.

Из будки выглянул второй часовой.

— Ваше сиятельство, господин полковник у себя.

Даня развернулся.

Игнат взял поводья.

— А мост?

— Пусть пока держится сам.

— Держится плохо.

— Спасибо, Игнат.

— Не за что.

Скорняков действительно был у себя.

Его кабинет находился в бывшем доме управляющего, который за два года успел стать штабом, складом карт, местом выдачи пропусков и единственной комнатой Слободы, где Ниш запрещалось появляться через окно отдельным приказом.

Приказ висел рядом с окном.

Ниш однажды дописала снизу: «ДВЕРЬ ДОРОГО».

Скорняков не стёр.

Сейчас полковник стоял над столом, на котором лежали три журнала, карта окрестностей и новый лист с печатью.

— Докладываю, — сказал он прежде, чем Даня успел на-

чать. — Мост осмотрен утром. Левая опора просела на два вершка. Плотники отправлены.

— Я хотел посмотреть сам.

— Зачем?

— Потому что мост мой.

— Уже нет.

Даня остановился.

— В каком смысле?

Скорняков ткнул пальцем в карту.

— Дорога включена в обеспечение Особого поселения.

Мост обслуживается комендатурой.

— Земля и ручей мои?

— Ваши.

— Доски?

— Пока ваши.

— А мост — уже нет.

— Так точно.

Даня сел без приглашения.

— Прекрасно.

Слово вышло по старой привычке. Он поморщился и сразу продолжил:

— Что ещё у меня теперь не моё?

Скорняков открыл первый журнал.

— Караулы — государственные. Склад серебра — под двойной описью. Поляна — особый объект. Северная дорога — под надзором. Выезд Хранителя — по уведомлению ко-

менданта.

— По разрешению.

— По Положению — по уведомлению.

— Часовой меня не выпустил.

— Потому что вы без сопровождения.

— Значит, по разрешению.

Скорняков закрыл журнал.

— Хотите спорить со мной или ехать к мосту?

Даня подумал.

— Спорить.

— Тогда садитесь удобнее.

Он уже сидел.

Полковник придвинул ему лист с печатью.

— Это временная инструкция до утверждения постоянной.

— Сколько временная?

— Не знаю.

— Хорошее начало.

— Подписана Кречетовым.

— Плохое продолжение.

Скорняков не отреагировал.

В инструкции было восемнадцать пунктов. Даня дошёл до четвёртого и вернулся к первому.

«Лицо, состоящее в должности Хранителя Прохода, не оставляет пределов Особого поселения без уведомления коменданта и назначенного сопровождения».

— Назначенного кем?

— Мной.

— А если я не хочу сопровождение?

— Не назначу выезд.

— Значит, без него не выпускают. Это и есть разрешение.

— Нет. Сопровождение.

Скорняков сложил руки на груди.

— Граф. Я солдат. Если вам приятнее назвать это разрешением, называйте. Я всё равно поставлю двух человек.

Даня дочитал до восьмого пункта.

— «Поездки далее десяти вёрст согласуются с Особой экспедицией». Москва дальше десяти?

— Значительно.

— Значит, всё-таки разрешение.

— Согласование.

— Очень другое слово.

Скорняков посмотрел на него внимательнее.

— Собрались?

— Андрей будет там четыре дня.

Полковник ничего не сказал.

Это было одной из причин, почему Даня терпел его лучше многих чиновников. Скорняков никогда не спрашивал «зачем вам видеть друга», если ответ не относился к службе.

— Когда? — спросил он.

— Письмо пришло вчера. Если дороги не встанут — через девять дней он будет в Москве. Потом едет дальше.

— Подайте просьбу.

— Кому?

— Остроумислову.

— Он в Петербурге.

— Поэтому письмо.

Даня взглянул на окно.

Снег шёл спокойно, почти вертикально. По дороге за стеклом Горхад нёс на плече бревно, хотя рядом шли двое русских с пустыми руками и очень убедительно объясняли ему, что бревно предназначалось для телеги.

— Девять дней, — сказал Даня.

— Знаю.

— Сколько идёт письмо?

— Смотря дорога.

— И сколько идёт ответ?

— Смотря чиновник.

Даня снова посмотрел на бумагу.

— Дайте перо.

Скорняков подвинул чернильницу.

Просьба получилась короткой.

Потом Скорняков заставил переписать её длиннее.

Первый вариант звучал так:

«Прошу дозволить выезд в Москву сроком до четырёх дней по частному делу».

Полковник прочёл.

— Не примут.

— Почему?

— Частное дело.

— Оно и есть частное.

Скорняков постучал пальцем по первой строке.

— Поэтому не примут.

— А что написать?

— Причину.

— Увидеть друга.

— Это не причина для ведомства.

— Для меня причина.

Полковник вернул лист на край стола.

— Вы пишете ведомству.

Во втором варианте появилось: «для свидания с князем Андреем Николаевичем Болконским по семейным обстоятельствам».

Скорняков прочёл.

— Какие семейные обстоятельства?

— Никакие.

— Тогда зачем написали?

— Вы сказали написать причину.

— Не лгать.

— Я не умею правильно просить разрешения на собственную жизнь.

Полковник вернул лист.

— Учитесь.

На третьем варианте Даня сдался и написал правду: Андрей будет в Москве проездом, личная встреча не состоялась больше года, срок поездки ограничен, обязанности Хранителя на время отсутствия он готов передать по утверждённому порядку — если такой порядок вообще существует.

На последней строке Скорняков задержался.

— Не существует.

— Тогда полезный вопрос.

— Это задержит ответ.

— Зато узнаем.

— Вы хотите увидеть Болконского или улучшить Положение?

Даня отложил перо.

— Да.

Скорняков взял лист.

— Отправлю сегодня.

— Через кого?

— Курьером.

— Государственным?

— Так точно.

— За государственный счёт?

— Так точно.

Это немного улучшило настроение.

До обеда.

Потом пришёл Остромыслов.

Он въехал в Слободу с двумя санями бумаг.

Не с обозом, не со свитой, не с новым отрядом.

С бумагами.

На первых санях лежали три ящика. На вторых — два.

Каждый был перевязан и опечатан.

Ниш встретила их у ворот.

— Что там?

Чиновник снял снег с рукава.

— Государственная тайна.

— Дорого?

— Чрезвычайно.

Она сразу заинтересовалась.

Остромыслов посмотрел на часового.

— Запишите: к ящикам гоблинку не подпускать.

Ниш возмутилась.

— Почему сразу гоблинку?

— Потому что вы уже спросили цену.

— Это интерес.

— Именно.

Даня вышел на крыльцо.

— Илья.

— Граф.

Остромыслов поднялся по ступеням, оглядел его с головы до ног и только потом снял перчатку.

— Вы здоровы?

— Это официальный вопрос?

— Пока нет.

— Тогда да.

Остромыслов раскрыл блокнот.

— Хорошо. Позвольте уточнить: вы сегодня пытались покинуть поселение без сопровождения?

— Быстро.

— Рапорт пришёл раньше меня.

— Я ехал к мосту.

— Я читал.

Он перевернул страницу.

— Мост в двух верстах.

— Две версты тоже расстояние.

— Вы специально так говорите?

— Как?

— Будто расстояние является государственным преступлением.

Остромыслов снял очки, вытер влажное стекло платком.

— Нет. Государственным затруднением являетесь вы.

Ниш, которая всё ещё крутилась возле ящиков, приснула.

Остромыслов надел очки.

— Это не было шуткой.

— Поэтому смешно, — сказала она.

Игнат открыл дверь.

— В доме холодно станет.

Это оказалось самым убедительным аргументом. Все вошли.

Ящики содержали требования.

В буквальном смысле.

Первый — журналы для прибывающих.

Второй — формы расхода серебра.

Третий — бланки на перемещение «лиц иностранного происхождения особого свойства».

Даня прочёл эту строку дважды.

— Это про Горхада?

— В том числе.

— Он «особого свойства»?

— В предыдущей редакции было «необыкновенного вида».

— И кто спас документ?

— Я.

— Спасибо.

— Не благодарите. Остальные варианты были хуже.

Четвёртый ящик содержал книги для регистрации опытов Треффера и Вала.

Пятый оказался пустым.

Даня поднял крышку.

— А это?

— Для документов, которые вы будете отправлять обратно.

— Очень предусмотрительно.

— Кречетов просил шесть.

— Где шестой?

Остромыслов посмотрел в окно.

Снаружи Ниш тащила небольшой деревянный ящик к сараю.

Даня тоже посмотрел.

Они помолчали.

— Потом, — сказал Остромыслов.

— Разумно.

— Я этого не говорил.

Скорняков сел за край стола.

— Просьба графа ушла утром.

Илья повернулся.

— Какая просьба?

Даня объяснил.

Остромыслов слушал без записей.

Это насторожило сильнее блокнота.

— Девять дней? — спросил он.

— Уже восемь с половиной.

— Москва.

— Пока да.

— Частное свидание.

— Да.

— Без государственного поручения.

— Удивительно, но у меня иногда бывают дела без государственного поручения.

Илья прошёл к окну.

— Позвольте уточнить. Вы просите помощи или разрешения?

— Вот и я хотел понять.

— Тогда отвечу точнее. Помочь я могу. Разрешить — нет.

— Кто может?

— Формально Кречетов. В некоторых случаях министр. В вашем — вероятно, Кречетов.

— Вероятно?

— Положение новое.

— Великолепно.

Остромыслов посмотрел на него.

Даня провёл пальцем по краю пустого ящика.

— Хорошо. Что вы можете предпринять?

— Отправить второй запрос своим курьером и приложить заключение, что ваше отсутствие на несколько дней не создаёт непосредственной угрозы Проходу.

— Создаёт?

— Не знаю.

— А напишете?

— Что не располагаю данными о непосредственной угрозе.

Даня поднял голову.

— Это почти по-человечески.

— Не советую цитировать так в Петербурге.

Скорняков достал часы.

— Если курьер уйдёт до темноты, выиграем день.

— Полдня, — поправил Остромыслов.

— Полдня тоже время.

Илья кивнул.

— Составим.

Они составили.

Потом ещё одно приложение.

Потом перечень лиц, которые остаются при Проходе.

Потом отдельную бумагу о том, что Вал способен наблюдать шов, но не обладает полномочиями Хранителя.

На Горхаде остановились.

— Должность? — спросил Остромыслов.

— Воевода, — сказал Даня.

— Это его титул в Эйрдане.

— И здесь.

— В российских штатах такой должности нет.

Скорняков сказал:

— Начальник иноземной стражи.

Даня повернулся.

— Он согласился?

— Нет.

— Тогда почему?

— Исполняет.

Остромыслов записал.

— «Начальник иноземной стражи, именующий себя воеводой».

— Если покажете ему бумагу, он вас ударит.

Илья поднял перо.

— Это следует внести в примечание?

— Нет.

— Тогда не отвлекайте.

К вечеру просьба стала толщиной с небольшую брошюру.

Игнат принёс свечи.

Посмотрел на стол.

— Поедете далеко?

— Если бумаг станет ещё больше, никуда.

Игнат поставил подсвечник.

— Стало быть, не поедете.

Курьер уехал до темноты.

На следующее утро Даня пошёл к Поляне.

На этот раз с сопровождением.

Двое солдат держались в двадцати шагах сзади и старательно делали вид, что гуляют. У одного ружьё было под поллой шинели, отчего походка стала похожа на болезнь.

— Ближе идите, — сказал Даня.

Они приблизились.

— Теперь вы слишком близко.

Солдаты переглянулись.

— Ваше сиятельство...

— Хорошо. Как приказано.

У первой линии караула его записали.

Время выхода.

Цель.

Сопровождение.

У второй — снова.

— А обратно тоже? — спросил Даня.

— Так точно.

— Хорошо.

Часовой взял перо.

— Что хорошо?

— Ничего. Пишите.

Шов был почти таким же, каким Даня оставил его в начале зимы: тонкая лиловая черта между деревьями, спокойная настолько, что человеку без опыта можно было пройти рядом и увидеть только странный блик.

Но звук изменился.

Он услышал его раньше, чем дошёл до старого колышка Треффера.

Тк.

Пауза.

Тк-тк.

Пауза.

Пять быстрых щелчков.

Даня остановился.

Солдаты остановились тоже.

— Слышите?

Один прислушался.

— Ветер?

— Нет.

Второй снял шапку, будто ушам мешал мех.

— Ничего, ваше сиятельство.

Даня подошёл ещё на шаг.

Тк-тк-тк.

Теперь звук шёл не от деревьев. Он ощущался глубже, будто между щелчком и ухом не было расстояния.

Клавиши.

Слишком знакомый ритм.

Кто-то печатал быстро, останавливался, снова печатал.

Он вспомнил прошлую зиму.

«Кто там?»

Тогда звук сразу исчез.

Сейчас Даня молчал.

Внутри лиловой линии мелькнула вторая.

Тонкая, почти белая.

Погасла.

Щелчки ускорились.

Тк-тк-тк-тк-тк.

Остановились.

Один.

Ещё один.

Даня машинально начал считать интервалы.

На шестом заставил себя перестать.

Не код.

Не сообщение.

Пока не код и не сообщение.

За спиной хрустнул снег.

Остромыслов подошёл без шапки, держа её в руке.

— Вас искали.

— Кто?

— Я.

— Это менее страшно.

Илья встал рядом, но к шву не приблизился.

— Что вы наблюдаете?

— Слушаю.

— Что именно?

Даня подождал.

Тишина.

— Сейчас ничего.

— До моего прихода?

— Стрекот.

Остромыслов достал блокнот.

— Конечно.

— Частота?

— Не знаю.

— Продолжительность?

— Минуты две. Может, три.

— Слышали сопровождающие?

— Нет.

Илья поднял глаза на солдат.

Оба отрицательно качнули головами.

— Ранее бывало?

— Да.

— Когда впервые?

Даня не ответил сразу.

Баня. Тёплая кожа на морозе. Ниш с мокрыми волосами.

Очень далёкий звук клавиатуры в мире, где клавиатур быть не должно.

— Ещё в прошлом году.

Перо остановилось.

— В отчётах нет.

— Потому что я не был уверен.

— А теперь?

Тк.

Остромыслов резко повернул голову к шву.

Даня сжал край рукавицы.

— Слышали?

Илья смотрел на линию.

— Что?

Щелчок не повторился.

— Ничего.

Остромыслов записал именно это.

«Ничего».

Даня заглянул через плечо.

— Очень полезный протокол.

— Зато точный.

— Вы мне не верите?

Илья закрыл блокнот.

— Я верю, что вы слышите звук. Это не одно и то же.

— Вот за это я вас иногда почти люблю.

— Не вносить в протокол?

— Особенно это.

Они пошли обратно.

На первом посту их записали снова.

Остромыслова тоже.

Он не возражал.

На пятый день пришёл первый ответ.

Скорняков принёс его сам и положил перед Даней без комментария.

В бумаге было шесть строк. Просьбу «оставить без удовлетворения до представления порядка замещения обязанностей Хранителя на время отсутствия».

Даня дочитал.

— То есть отказ.

— Так точно.

— Потому что порядка замещения нет.

— Так точно.

— А порядка нет потому, что его ещё не утвердили.

— Так точно.

Даня перевернул лист, будто на обороте мог оказаться здравый смысл.

Там было пусто.

— Илья отправил второй пакет.

— Знаю.

— Значит, теперь они рассмотрят вопрос, который сами же не решили.

— Так точно.

— Вам нравится эта фраза.

— Она точная.

Даня положил отказ рядом с письмом Андрея.

— Хорошо. Пусть лежит.

Скорняков не ушёл.

— Что?

— Ничего.

— Тогда почему стоите?

— Вы обычно ругаетесь дольше.

Полковник забрал перчатки со стола.

— Вот теперь похоже.

На шестой пришёл снегопад.

На седьмой дорогу занесло так, что даже Скорняков признал: выехать сейчас можно только с большим желанием умереть недалеко от собственного дома.

На восьмой день пришло письмо от Андрея.

Не из Москвы.

Из дороги.

«Пьер.

Ждать не смог. Дело кончено раньше. Еду в Лысые Горы. Ты, кажется, опять находишь способ не приезжать вovre-

мя даже тогда, когда виноват не ты.

Лиза передаёт, что это талант.

А.»

Даня прочёл письмо у окна.

Потом отложил.

Игнат стоял возле шкафа и перебирал дорожную одежду, которую приготовил ещё четыре дня назад.

— Убирай.

— Всё?

— Всё.

Игнат сложил второй сюртук.

— Не едете.

— Некуда.

— Добро.

Ни сочувствия.

Ни вопроса.

Он просто начал возвращать вещи на места.

Даня взял письмо снова.

— Знаешь, что самое смешное?

Игнат держал в руках пару дорожных перчаток.

— Нет.

— Я всё ещё жду разрешения.

— Бумага догонит.

— Очень утешает.

— Не утешаю.

И положил перчатки в ящик.

Бумага догнала на следующий день.

Курьер въехал в Слободу после полудня. Лошадь была в мыле, сам он — серый от дороги. У ворот его задержали, записали, потребовали назвать цель приезда и только потом пустили к дому.

Даня видел это из окна.

Минут через десять вошёл Игнат.

В руках у него был большой конверт.

— Бумага пришла.

Даня не сразу встал.

— Какая?

Игнат положил конверт на стол.

Печать Особой экспедиции.

Даня вскрыл.

Внутри оказалось два листа.

Первый сообщал, что «по рассмотрении представленных обстоятельств препятствий к кратковременному выезду не усматривается».

Второй перечислял условия.

Сопровождение — четыре человека.

Маршрут — заявленный.

Срок — шесть суток.

Изменение маршрута — только при «крайней необходимости».

Ежедневное донесение при наличии почтовой возможно-

сти.

Даня дошёл до конца.

Подпись Кречетова.

Рядом — короткая приписка рукой Остромыслова:

«Срок удалось получить без дополнительного рассмотрения».

Даня усмехнулся.

Восемь дней, два курьера, пять ящиков, три журнала и «без дополнительного рассмотрения».

Он перевернул первый лист.

Наверху стояло обращение.

Его сиятельству графу Петру Кирилловичу Безухову, Хранителю Прохода.

Даня прочёл его ещё раз.

Пётр Кириллович.

Хранитель.

Всё правильно.

Ни одной ошибки.

Игнат уже собирал со стола пустую чашку.

— Барин?

Даня поднял разрешение.

— Можно ехать.

— Куда?

Он посмотрел на письмо Андрея, лежавшее рядом.

— Уже некуда.

Игнат забрал чашку.

У двери остановился.

— Бумагу оставить?

Даня снова посмотрел на имя.

— Оставь.

Игнат вышел.

На улице кто-то прокричал распоряжение. Ответил колокол у склада. Издалека, со стороны леса, донеслось то ли потрескивание веток, то ли несколько быстрых сухих щелчков.

Даня сложил разрешение по сгибу.

Потом ещё раз.

На верхней стороне осталось только:

Петру Кирилловичу.

Он положил бумагу в ящик стола и закрыл его.

Глава 2. СТО СОРОК СЕМЬ ЛОЖЕК

Весной Кречетов приехал считать ложки.

О приезде тайного советника предупредили за три дня, поэтому к утру первого дня Слобода выглядела подозрительно прилично.

У ворот подмели.

На складе перевязали мешки, которые и без того были завязаны.

Скорняков велел снять с крыши караульни три сушившиеся рубахи, потому что «в рапорте крыша одна, а бельё к ней отношения не имеет».

Игнат дважды прошёл по дому и убрал всё, что могло быть истолковано как беспорядок. На третий раз убрал Ниш.

— Я не вещь.

— На полке сидели.

— Смотрела.

— Вот и смотрите в другом месте.

Ниш перебралась на подоконник.

Игнат молча показал на дверь.

— Дорого у вас гостем быть, — сказала она и ушла через дверь, чем испортила собственную репутацию.

Даня стоял у окна кабинета и наблюдал, как на дороге по-

казалась коляска.

Снег сошёл только в низинах; колёса то проваливались в грязь, то выходили на твёрдую колею. За первой коляской ехала вторая. Потом телега с двумя сундуками. Потом ещё одна телега с писарями.

— Это инспекция или переселение? — спросил Даня.

Остромыслов, стоявший у стола, поправил очки.

— Позвольте уточнить: вы хотите знать численность прибывших или жалуетесь заранее?

— Жалуюсь заранее.

— Тогда численность вам не нужна.

Кречетов вышел из коляски сам, отказавшись от руки лакея. За зиму он не изменился: всё тот же сухой человек с лицом, на котором любая новость сначала становилась государственной, а уже потом человеческой.

Он поднялся на крыльцо, вытер сапоги о решётку и посмотрел на Даню.

— Граф. Изволите видеть, я всё-таки до вас доехал.

— Сочувствую.

— И я, по некотором размышлении, тоже.

Он снял перчатки.

— Начнём?

— С чего?

— С того, что легче сосчитать.

Через десять минут Кречетов считал ложки.

Ложек в общей столовой оказалось сто сорок семь.

По ведомости — сто пятьдесят.

Кречетов держал в руках лист и смотрел на три пустых места в ящике.

— Извольте видеть, разница небольшая.

— Ниш, — сказал Даня.

— Что Ниш?

— Сейчас найдём.

Кречетов перевёл на него взгляд.

— Вы знаете, где находятся казённые ложки?

— Я знаю, кто знает.

Скорняков открыл дверь.

— Ниш.

Она появилась сразу.

— Вы её у двери держали?

— Нет.

— Тогда откуда?

— Это не мой вопрос.

Ниш вошла с видом человека, которому уже должны денег.

— Звали?

Кречетов показал на ящик.

— Три ложки.

— Четыре.

Писарь поднял голову.

Кречетов тоже.

— В ведомости недостаёт трёх.

— Значит, одну не нашли раньше.

— Где четыре?

Ниш начала считать на пальцах.

— Одна у Марфы. Она лекарство мешает. Одна у Лин

— маленькая чашка, большая ложка, плохо, но ест. Одна у кузнеца, он расплющил ручку, теперь чертит круги. Четвёртая...

Она задумалась.

— Четвёртая моя.

— Почему?

— Я нашла.

— Где?

— В ящике.

Кречетов помолчал.

— Это, как бы выразиться, не совсем находка.

— Я верну.

— Когда?

— Когда нужна.

— Она нужна сейчас.

Ниш полезла за пазуху и достала ложку.

Писарь записал.

Кречетов проследил за пером.

— Четыре нашлись. В ведомости недостаёт трёх. Следовательно, теперь у нас одна лишняя.

— Вот почему империи нужны чиновники.

Илья не улыбнулся.

— Именно поэтому.

Кречетов положил ложку обратно.

— С неё и начнём отдельную опись.

Ниш присвистнула.

— Ложке бумага?

— Всем когда-нибудь достаётся бумага.

— Плохая судьба.

— Не могу с вами спорить.

Это был первый час инспекции.

Во второй Кречетов измерял койки.

В третий — расстояние от лазарета до колодца.

В четвёртый выяснилось, что две казённые лошади записаны как серые, хотя одна была гнедой уже по меньшей мере семь лет.

Скорняков потребовал найти человека, который составил первоначальную ведомость.

Остромыслов сообщил, что человек умер.

— Причина? — спросил полковник.

— Болезнь.

— Нет. Причина записи.

— Этого установить будет труднее.

Кречетов выслушал обоих и велел оставить лошадь в покое.

Не приказал.

Сказал:

— По некотором размышлении, цвет животного пока не представляет государственной опасности.

Писарь записал и это.

К обеду Даня начал подозревать, что государственная власть победит Слободу, если просто будет достаточно долго измерять её линейкой.

Потом Кречетов дошёл до людей.

И линейка кончилась.

В бывшей кладовой комендатуры поставили длинный стол.

На столе лежали три книги.

Первая — русские жители.

Вторая — пришедшие через Поляну.

Третья — «особые случаи».

Даня открыл третью.

Она была толще первых двух вместе.

— Конечно.

Остромыслов подвинул к себе стул.

— Здесь не количество. Здесь переписка.

— Ещё лучше.

Кречетов сел напротив. Писарь разложил бумаги по стопкам. Скорняков остался стоять.

— Итак, — сказал Кречетов. — Изволите видеть, содержание Особого поселения растёт быстрее утверждённой сметы.

— Людей стало больше.

— Это я заметил.

— Они едят.

— И это заметил счётный стол.

— Некоторые даже два раза в день.

Остромыслов снял очки.

— Для протокола: граф шутит.

— Не уверен.

Кречетов не спешил.

Он взял верхний лист.

— По ведомости у вас двести восемьдесят семь лиц, получающих полностью или частично казённое содержание.

— У нас больше.

— Именно.

— Тогда ведомость плохая.

— Или поселение слишком быстро меняется.

— Оно и должно меняться. У нас дверь между мирами.

Кречетов посмотрел на него поверх бумаги.

— Граф, именно подобные объяснения чрезвычайно неудобны для казначейства.

Остромыслов придвинул второй лист.

— Двести восемьдесят семь — старый список. На сегодняшнее утро триста двенадцать. Из них тридцать один человек на частном содержании графа, сорок шесть работают за плату и не получают постоянного пайка, семьдесят два состоят при военной части или лазарете. Остальные — сме-

шанное содержание.

Кречетов повернулся к нему.

— «Смешанное» — это что?

— Казённая мука, частное жильё. Или казённое жильё, заработок частный. Или питание при мастерской с оплатой инструментом.

— Инструментом нельзя питаться.

— Ниш пробовала, — сказал Даня.

Скорняков произнёс:

— Один раз.

Все посмотрели на него.

Полковник добавил:

— Медную проволоку. Не проглотила.

Кречетов помолчал.

— Это тоже есть в отчёте?

— Нет.

— Слава Богу.

И снова взял бумагу.

— Вопрос не в том, сколько они едят. Вопрос — кто они.

— Люди, — сказал Даня.

— Для разговора этого достаточно. Для ведомости — нет.

Он перевернул лист.

— Вот, например. Тимофей Савельев. При конюшне.

— Да.

— Риа.

— Его жена.

— По какой записи?

Тот ответил:

— По записи Слободы. Отец Пафнутий венчания не совершал. Совместное хозяйство признано комендатурой для выдачи жилья и продовольствия.

— То есть для одной книги они семья, для другой — два лица без общего состояния.

— В настоящее время да.

Кречетов поднял следующий лист.

— Ребёнок.

Даня выпрямился.

— Что ребёнок?

— Родился здесь. Мать — пришедшая через Проход. Отец — русский. В книге русских его нет. В книге пришедших тоже нет, потому что он ниоткуда не приходил.

Остромыслов подвинул очки выше.

— Именно поэтому я оставил строку пустой.

— Это не решение.

— Нет. Это честное отсутствие решения.

Кречетов посмотрел на него долгим взглядом.

— Вы становитесь опасным чиновником, Илья Сергеевич.

— Для протокола?

— Не стоит.

Даня потянул лист к себе.

В строке имени стояло: Миша.

Без отчества.

В графе «откуда прибыл» — прочерк.

В графе «к чьему ведению» — ещё один.

Внизу рукой Остромылова: «родился в Особом поселении».

— И что вы хотите сделать? — спросил Даня.

— Я пока ничего не хочу делать.

— А ваши бумаги?

— Бумаги, извольте видеть, хотят определённости независимо от меня.

— Ребёнка из-за этого перестанут кормить?

Кречетов отложил лист.

— Нет.

Ответ был слишком прямым.

Даня заметил это.

Кречетов тоже, судя по тому, что следующую фразу снова построил вокруг трёх оговорок.

— Однако при дальнейшем росте поселения, при передаче части содержания казне и при выдаче земли необходимо будет понимать, кто состоит под чьим ведением, иначе один и тот же человек может оказаться одновременно нигде и в трёх местах.

— Значит, придумайте четвёртое.

— Что именно?

— Место.

Кречетов положил ладонь на закрытую книгу.

— Новые места в государстве, граф, возникают несколько

труднее, чем новые дома у вас за ручьём.

— Дома строят люди.

— Государство тоже.

— Тогда пусть строит быстрее.

Остромыслов записал одну строку.

— Что вы пишете?

— «Требуется временный порядок учёта лиц, не входящих в существующие книги».

Кречетов повернул голову.

— Я этого не говорил.

— Я не поставил кавычки.

— Это хуже.

После обеда инспекция пошла в Слободу.

Кречетов отказался от экипажа.

— Извольте видеть, если я должен подписывать расходы на улицы, следует однажды пройти по ним ногами.

Улиц к весне стало пять.

Три имели названия.

Четвёртая называлась у русских Задней, у гоблинов — Дорогой к Хорошему Мусору, а у Скорнякова — «проезд № 4».

Пятая вообще была спором между двумя заборами.

Первым Кречетов осмотрел лазарет.

Марфа попыталась выгнать его из палаты.

— Тут больные.

— Именно поэтому я здесь.

— А лечить умеете?

— Нет.

— Тогда с краю стойте.

Он встал с краю.

Даня видел, как один из писарей перестал понимать мир.

Марфа показывала койки, кладовую, печь, расход тряпья и две бочки кипячёной воды. На вопрос, почему в ведомости полотна ушло больше, чем положено, ответила:

— Потому что кровь по норме не течёт.

Писарь раскрыл рот.

Кречетов сказал:

— Запишите: расход признать фактическим.

Марфа ткнула пальцем в бумагу.

— И ещё лекарство.

— Какое?

— Которое не дали.

— Почему?

— Потому что дорого.

Кречетов посмотрел на Остромыслова.

Илья уже листал свои записи.

— Отказано в январе. Нет утверждённого основания закупать препарат чужого происхождения за казённый счёт.

— Помогает? — спросил Кречетов.

Марфа пожала плечами.

— Двоих вытянули. Один всё равно помер.

— Сколько стоит?

— Спросите Ниш.

— Почему у неё?

— Она покупает.

Ниш, шедшая сзади, сразу ответила:

— Семь рублей если быстро. Пять если долго. Четыре если ваш писарь не лезет.

Писарь обернулся.

— Куда не лезет?

— В торговлю.

Кречетов протянул руку.

— Счета есть?

Ниш достала из-за пояса сложенный лист.

Остромыслов посмотрел на неё.

— Откуда у вас счёт?

— Сделала.

— Кто подписал?

— Продавец.

— Он умеет писать по-русски?

— Теперь умеет имя.

Кречетов взял лист и изучил каракули.

— Это что?

— Имя.

— Похоже на забор.

— Хороший человек. Плохой писарь.

Тайный советник сложил счёт пополам.

— Оставьте.

Ниш протянула ладонь.

— Деньги?

— Счёт.

— За счёт деньги.

— Если расход признают.

— Когда?

— Потом.

Ниш посмотрела на Даню.

— Он опасный.

— Я предупреждал.

Кречетов прошёл дальше.

У конюшни Вельд встретил его с молотком в руке.

За два года Топорщик выучил русский достаточно, чтобы понимать вопросы, которые ему не нравились.

— Имя? — спросил писарь.

— Вельд.

— Откуда?

Вельд назвал Серый Брод на своём языке, потом по-русски:

— Эйрдан.

— Подданство?

Он посмотрел на Лин.

Лин к этому времени вытянулась и говорила по-русски лучше половины слободских мальчишек.

— Что это?

Писарь задумался.

— Государь у него кто?

Лин перевела.

Вельд ответил сразу.

Она нахмурилась.

— Говорит: был князь. Потом его съели.

Писарь медленно поднял перо.

— Кто?

— Не князь. Город.

— Город съел князя?

— Нет. Пожиратель съел город. Князь раньше умер. Я плохо сказала.

Ниш вмешалась:

— Напиши: нет князя. Быстро.

— Я не могу написать «нет князя» в графе подданства.

— Почему? Правда же.

Остромыслов сказал:

— Оставьте пусто.

Писарь сразу опустил перо в пустую строку.

Кречетов тут же спросил:

— А пустая графа что означает?

Перо снова поднялось.

Вельд слушал, пока Лин переводила ему кусками. Потом снял с гвоздя старую упряжь и показал Кречетову.

— Работа.

— Вижу.

— Здесь.

— Вижу.

Он ткнул пальцем в землю.

— Дом.

Лин добавила:

— Он говорит: если бумаге надо знать, где он, он здесь.

Кречетов посмотрел на Вельда. Потом на конюшню. Потом на три казённые лошади, которые стояли совершенно спокойно, пока тот держал молоток.

— Это удобный ответ.

— Хороший, — сказала Лин.

— Для жизни — вероятно.

Он пошёл дальше.

Лин догнала Даню.

— Его выгонят?

— Кого?

— Папу.

— Нет.

— Ты знаешь?

— Нет.

Лин перестала улыбаться.

— Плохой ответ.

— Зато честный.

— От честного ответа лошадей не кормят.

И убежала обратно.

Даня остался на дороге на полшага дальше остальных.

Потом догнал.

Проблема перестала быть бумажной к вечеру.

У продовольственного склада стояли девять человек.

Дверь была закрыта.

Перед дверью — унтер-офицер с ведомостью и лицом человека, который очень хотел оказаться где-нибудь ещё.

Скорняков пришёл первым.

— Докладывайте.

— Выдачу остановил счётный писарь.

— На каком основании?

— Нет в новом списке.

— Кто?

Унтер показал.

Две женщины Эйрдана из прачечной.

Старик, чинивший корзины.

Вельд.

Лин стояла рядом с ним, уже сердитая.

Тимофей держал на руках ребёнка. Риа была возле двери, прижав хвост к юбке так, что его почти не было видно.

Ещё трое Даня знал в лицо и не знал по имени.

— Почему нет? — спросил он.

Унтер ткнул в бумагу.

— В прежней книге есть. В новой отметки нет, куда отнести. Счётный велел до определения не выдавать.

— Счётный где?

— У господина советника.

Скорняков повернулся к складу.

— Открыть.

— Господин полковник, там печать.

— Чья?

— Счётного стола.

— Снять.

Унтер побледнел.

— Мне потом отвечать.

— Я отвечу.

Он уже протянул руку к сургучу, когда с дороги прозвучало:

— Не стоит.

Кречетов шёл к ним без шапки. Остромыслов рядом. Писарь отставал, прижимая к груди книгу.

Скорняков убрал руку.

— Люди не получили паёк.

— Вижу.

— Ошибка?

— Нет.

Даня шагнул к нему.

— Тогда что?

Кречетов посмотрел на закрытую дверь.

— Рвение.

— Чьё?

— Государственное. Оно особенно неприятно, когда не

знает меры.

Он повернулся к писарю.

— Кто остановил?

Писарь назвал фамилию.

— Почему?

— После замечаний по учёту велено было привести выдачу в соответствие с ведомостями.

— Кем велено?

Писарь замялся.

Кречетов помог:

— Мной, вероятно.

— Ваше превосходительство, было сказано...

— Не трудитесь. Я прекрасно знаю, что было сказано. Хуже, что я теперь вижу, что было услышано.

Он протянул руку.

— Печать снимите.

Писарь моргнул.

— Ваше превосходительство?

— По некотором размышлении, голод не улучшит качество ведомостей.

Сургуч сломали.

Дверь открыли.

Унтер начал выдачу.

Никто не расходился.

Кречетов заметил.

— Что ещё?

Лин сказала:

— Завтра опять закроют.

Писарь возмутился:

— Девочка, вам сказано...

Кречетов поднял палец.

Писарь замолчал.

— Почему вы так думаете? — спросил советник.

— Потому что бумага та же.

Остромыслов посмотрел на Даню.

Даня — на Кречетова.

Тот медленно надел перчатку на левую руку.

Правую оставил голой.

— Извольте видеть, вот теперь у нас появился предмет разговора.

— У нас он с обеда, — сказал Даня.

— До вечера это был предмет переписки.

Он протянул руку Остромыслову.

— Книгу.

Илья отдал третью, толстую.

Кречетов раскрыл её прямо на бочке.

— Тимофей Савельев. Риа. Ребёнок. Вельд. Ещё кто?

Скорняков назвал остальных.

Советник слушал.

— Что общего?

— Не помещаются, — сказал Даня.

— Куда?

— Туда, куда вы их пытаетесь записать.

— Формулировка неудовлетворительна.

— Зато точная.

Остромыслов снял очки и снова надел.

— Позвольте уточнить. Нам нужен не новый сословный разряд. Нам нужен временный порядок снабжения и учёта до решения статуса.

Кречетов повернулся к нему.

— Уже лучше.

Скорняков сказал:

— И ответственность.

— За что?

— За человека. Кто отвечает, если он вооружён, уехал, заболел, получил паёк дважды или исчез.

— Комендатура, — сказал Даня.

— Не за всех.

— Тогда я.

Скорняков посмотрел на него.

— За триста двенадцать?

— Если надо.

— Не надо.

Кречетов прикрыл книгу.

— Вот это, граф, редкий случай, когда полковник избавляет государство от вашей щедрости.

— Предложите лучше.

— Я для этого приехал считать ложки.

— И как, помогло?

Советник провёл ногтем по краю книги.

— Одна оказалась лишней.

До полуночи они писали временный порядок.

Первый вариант придумал Даня.

Его отвергли сразу.

«Все жители Слободы имеют одинаковое право на содержание и защиту».

Кречетов прочёл.

— Красиво.

— Спасибо.

— Поэтому нельзя.

— Почему?

— Потому что вы одной строкой обещали содержание человеку, который завтра может открыть здесь лавку с доходом в десять тысяч рублей.

Ниш, сидевшая у печи, подняла голову.

— Можно?

— Нет, — сказали трое одновременно.

Она обиделась.

Второй вариант составил Скорняков.

«Лицо, допущенное к постоянному проживанию в Особом поселении, состоит под надзором комендатуры и получает содержание согласно назначенной категории».

Даня постучал по последним словам.

— Мы опять вернулись к категории.

— Так точно.

— Которой нет.

— Поэтому не допишем до утверждения.

— Очень живой документ.

Третий вариант написал Остромыслов.

Он был длиннее первых двух втрое.

Кречетов прочёл до середины и вернул.

— Илья Сергеевич, если для того, чтобы выдать человеку мешок муки, требуется прочесть страницу, человек успеет проголодаться.

— Тогда сократим.

— Вдвое.

Они сократили.

Потом ещё раз.

Игнат принёс чай.

Марфа прислала пирог, потому что «чиновники без еды совсем одичают».

Ниш съела два куса и заявила, что спасает государство.

К часу ночи на столе лежало пять строк.

Кречетов читал их медленно.

«До особого определения лица, проживающие в пределах Особого поселения с ведома коменданта и состоящие в его книгах, допускаются к установленному для поселения снабжению и пользованию отведёнными местами независимо от невозможности отнести их к существующим разрядам учёта.

При принятии нового лица указываются имя либо принятое имя, место настоящего проживания, занятие и лицо или учреждение, принимающее ответственность за первичный учёт.

Рождение в пределах Особого поселения заносится отдельной записью без требования указать место прибытия.

Совместное хозяйство допускается учитывать как одно хозяйство для жилья и снабжения без решения вопросов состояния, брака и подданства.

Порядок действует впредь до отдельного определения».

Даня перечитал последнюю строку.

— «Впредь до отдельного определения» — это сколько?

Кречетов макнул перо.

— Извольте видеть, иногда это самый долговечный срок в государстве.

— Вы подпишете?

— Я подпишу представление.

— То есть нет.

— Я подпишу распоряжение о применении до рассмотрения представления.

— Переведи.

Илья ответил сразу:

— Завтра склад откроется по этой бумаге. Потом Петербург сможет спорить.

— Вот. Человеческий язык.

Кречетов взял чистый лист.

— Не злоупотребляйте им.

Он переписал текст своей рукой. Внизу поставил подпись.

Потом подумал и добавил одну строку:

«Без распространения за пределы Особого поселения».

— Клетку нарисовали, — сказал Даня.

— Границу применения.

— Очень другое слово.

— Другое.

Остромыслов кашлянул в кулак.

Даня повернулся к нему.

— Что?

— Ничего.

— Вы смеётесь?

— Для протокола — нет.

Кречетов промокнул подпись песком.

— Пока хватит.

Утром бумага уже работала.

Склад открылся в обычное время.

Вельд получил овёс для конюшни и расписался четырьмя знаками своего письма.

Под ними Лин приписала по-русски: «ВЕЛЬД».

Писарь хотел исправить букву, посмотрел на распоряжение и передумал.

Тимофей пришёл с ребёнком. Риа несла корзину.

В новой книге появилась отдельная строка:

«Миша. Родился в Особом поселении».

Без прочерка в графе прибытия, потому что самой графы больше не было.

Даня стоял возле стола, когда Остромыслов принёс второй экземпляр распоряжения.

— Один в комендатуру. Один в Особую экспедицию.

— Один мне.

— Зачем?

— Хочу любоваться.

— Государственным документом?

— Первый, который сделал кого-то существующим не после того, как его придумали заново.

Илья посмотрел на запись ребёнка.

— Не преувеличивайте. Он существовал и вчера.

— Бумага не знала.

— Бумага многое не знает.

— Скажите это Кречетову.

— Он знает.

На улице что-то громко стукнуло.

Потом ещё раз.

Тяжело, размеренно.

Даня вышел на крыльцо.

У дальней дороги двое плотников ставили новые столбы для межи поселения. За ними Треффер спорил со Скорняковым о месте под будущие мастерские.

— Рано, — сказал Даня.

Остромыслов встал рядом.

— Что именно?

— Мастерские. У нас пока нет мастеров.

— По некоторому размышлению, место можно приготовить заранее.

Даня покосился на него.

— Вы уже говорите как Кречетов.

— Это служебный риск.

Со стороны ворот донёсся голос Ниш:

— Советник! Советник!

Кречетов остановился у коляски.

Ниш подбежала к нему и протянула маленький свёрток.

— Подарок.

Он развернул.

На ладони лежала золотая запонка с чёрным камнем.

Кречетов посмотрел на неё.

Потом на собственный левый рукав.

На правом запонка была.

На левом — нет.

— Где вы это взяли?

— Нашла.

— Где?

— У вас.

Писарь закашлялся.

Скорняков прикрыл глаза и снова открыл.

Кречетов повертел запонку в пальцах.

— Благодарю.

Ниш просияла.

— Теперь подарок мне.

— Что именно?

Она ткнула пальцем в свёрнутую копию распоряжения у Остромыслова.

— Бумага хорошая. Ещё такую.

— Для чего?

— Потом люди придут. Много. Большие, маленькие, каменные, не знаю. Бумага нужна.

Кречетов посмотрел на Даню.

— У вас здесь все занимаются предвидением?

— Только те, кто торгует.

— Это многое объясняет.

Он сел в коляску.

Писари разместились сзади. Сундуков стало на один меньше: один Кречетов оставил Остромыслову для новых книг.

Перед тем как тронуться, советник наклонился к открытому окну.

— Граф.

— Да?

— По смете я сокращу три ставки писарей.

Даня уставился на него.

— После всего этого?

— После всего этого у вас стало меньше пустых граф.

— А людей больше.

— Поэтому пока три.

Он постучал пальцем по дверце.

Кучер тронул.

Даня пошёл рядом несколько шагов.

— Кречетов!

Советник выглянул.

— Что значит «пока»?

Коляска уже выезжала за шлагбаум.

— Именно то, что вас беспокоит!

И уехал.

Даня вернулся к крыльцу.

Остромыслов держал распоряжение в руках.

Скорняков — список сокращаемых ставок, который каким-то образом уже появился у него.

Ниш стояла у писарского стола и считала новые строки вслух.

У ворот колёса Кречетова скрылись за поворотом.

С дальнего края Слободы снова донёсся тяжёлый стук столбов.

Остромыслов развернул распоряжение.

— Для протокола: место под мастерские теперь можно отводить по этой форме.

Даня взглянул на новую межу.

— Если мастера придут.

Илья сложил бумагу.

— Если.

Глава 3. ПЕРВЫЙ КОЛЫШЕК

Через двенадцать дней после отъезда Кречетова из Поляны застучали.

Не стрекот шва.

Тот звук Даня уже узнавал слишком хорошо: сухие быстрые щелчки, которые то складывались почти в ритм клавиатуры, то рассыпались.

Сейчас стучали тяжело.

Раз.

Пауза.

Раз.

Ещё пауза.

Будто кто-то с другой стороны проверял стену молотком. Даня пришёл к Поляне одновременно со Скорняковым. Полковник был в мундире, без шинели и явно выскочил из штаба раньше, чем успел одеться по погоде.

— Караул удвоен, — сказал он. — Людей отвели.

— Кто там?

— Это ваш вопрос.

У шва уже стояли Вал, Мирейна и Треффер. Подполковник воткнул в землю две рейки и измерял расстояние между ними.

— Что меряете?

— Линия расширилась на три пальца.

— Это много?

— Для двери — недостаточно данных. Для вчерашнего измерения — три пальца.

Вал раздражённо сказал:

— Я говорил не ставить рейку так близко.

— Она не сгорела.

— Это не доказательство разумности.

— Это доказательство, что рейка не сгорела.

Они уже начинали спорить, когда из лиловой линии показалась рука.

Скормяков поднял ладонь.

Ружья щёлкнули почти одновременно.

Рука исчезла.

С той стороны что-то прогрохотало.

Потом в проход боком вошёл человек.

Он был широк в плечах так, что прямо не проходил. Не великан — Горхад был выше, — но собран будто из коротких тяжёлых частей. Серый плащ держался на нём без складок. За спиной висел молот с головкой размером с небольшой кирпич.

Человек вышел, поставил обе ноги на русскую землю и не сделал больше ни шага.

Оглядел деревья.

Караул.

Рейки Треффера.

Даню.

Потом постучал пальцами по ближайшему валуну.

Два раза.

Сказал что-то на общем языке Эйрдана.

Мирейна ответила.

Разговор был короткий.

— Что он сказал? — спросил Даня.

— Спрашивает, держит ли земля.

— Что?

Мирейна показала вниз.

— Земля. Держит?

Треффер ответил раньше всех:

— На этой отметке грунт плотный. Ниже ручья хуже.

Мирейна посмотрела на него.

— Я это не переведу.

Из-за спины Дани вынырнула Лин.

— Я переведу.

— Тебя кто сюда пустил?

— Все заняты.

— Это не ответ.

— Поэтому пустили.

Она вышла вперёд и заговорила с пришедшим. Сначала на торговом. Тот покачал головой. Потом на общем языке Эйрдана.

Ответил.

Лин повернулась к Трефферу.

— Он спрашивает: сколько копали.

— Где?

Она ткнула в землю.

— Здесь.

— Два аршина у восточной кромки, четыре пробных ямы к ручью, одна у дороги.

Лин перевела.

Человек выслушал.

Постучал по валуну ещё раз.

— Мало, — сказала Лин.

Треффер впервые за всё время оторвался от рейки.

— Сколько нужно?

Пришедший ответил.

Лин переспросила.

Ответил снова.

— Он говорит: сначала надо знать, что строить.

Подполковник выпрямился.

— Это правильно.

Скорняков опустил руку. Ружья остались подняты.

— Имя.

Лин перевела.

Человек положил ладонь на грудь.

— Торум.

Потом показал назад, на шов.

— Ещё идут?

Лин спросила.

Торум кивнул.

— Сколько?

Он назвал число.

— Одиннадцать.

Скорняков повернулся к караулу.

— Коридор. По одному. Оружие не поднимать без команд.

Из прохода вышел второй.

Потом третий.

Все проходили боком.

Каждый останавливался на том же месте, где Торум, и касался земли рукой или молотком. Один принёс на плече связку железных клиньев. Другой — свёрнутый шнур. Третий тащил деревянный ящик, который вдвоём подхватили русские солдаты и сразу пожалели об этом.

— Что там? — спросил один.

Торум ответил через Лин:

— Камень.

Солдат посмотрел на ящик.

— Они принесли камень в Россию?

Лин перевела вопрос.

Торум впервые задержался с ответом.

Потом сказал.

— Хороший.

Треффер подошёл к ящику.

— Открыть.

Скорняков посмотрел на него.

— После досмотра.

— Досмотр можно провести открытым.

— После досмотра.

Треффер повернулся к Дане.

— Граф.

— Не втягивайте меня.

— Там образец.

— Полковник тоже образец. Упрямства.

— Слышу, — сказал Скорняков.

Последним через шов вышел подросток с двумя молотками за поясом и маленьким мешком. Он споткнулся на кромке, выругался и тут же обернулся к проходу, будто хотел проверить, кто видел.

Торум видел.

Подросток сразу перестал вытирать колено.

— Все? — спросил Скорняков.

Лин получила ответ.

— Все.

Полковник достал сложенный лист.

Тот самый порядок, который оставил Кречетов.

Даня узнал подпись ещё издалека.

— Уже носите с собой?

— Нужен.

Скорняков раскрыл бумагу.

— Имя или принятое имя. Настоящее место проживания.

Занятие. Ответственный за первичный учёт.

Даня перевёл взгляд на одиннадцать пришедших.

— Кречетов будет счастлив.

— Нет.

— Почему?

— Он уехал.

— Спасибо.

На регистрацию ушло два часа.

Торум отвечал первым.

Имя — Торум.

Прежнее место — название, которое Лин перевела как «Три Ступени». Вал вмешался и сказал, что правильное «Три Уступа». Лин возразила. Спор занял пять минут.

Скорняков написал: «Три Уступа (перевод приблизительный)».

Занятие.

Торум ответил одним словом.

Лин сказала:

— Строитель.

Треффер, стоявший рядом, спросил:

— Какой?

Лин перевела.

Торум начал перечислять.

Через минуту она подняла ладони.

— Стены. Мосты. Колодцы. Печи. Дороги. Камень. Вода под землёй. Ещё что-то про нагрузку, я не знаю слово.

Треффер придвинулся.

— Пусть покажет.

— Мы сейчас имя пишем, — сказал Скорняков.

— Имя уже написано.

— Тогда мешаете.

Треффер отступил на полшага.

— Продолжайте.

У второго Каменного было занятие «кладёт своды».

У третьего — «слушает фундамент».

Писарь остановился.

— Это ремесло?

Торум что-то сказал.

Лин перевела:

— Плохой фундамент слышно раньше, чем видно.

Треффер снова придвинулся.

— Как?

Скорняков захлопнул книгу.

— Подполковник.

— Молчу.

Он не молчал даже минуту.

Когда дошли до графы ответственности, Скорняков сказал:

— Комендатура.

Торум возразил.

Лин перевела:

— Нет.

— Почему?

Торум показал на Даню.

— Он.

— Почему я?

Ответ занял четыре слова.

Лин сказала:

— Ты держишь дверь.

— Это не делает меня...

Он остановился.

Скорняков ждал.

Остромыслова рядом не было, но Даня почти услышал его

«позвольте уточнить».

— Хорошо. Первую опись беру на себя.

Полковник записал.

— За одиннадцать.

— Я умею считать.

— Это не мой вопрос.

— Какой тогда?

— Сколько ещё придёт.

Лин спросила Торума.

Тот постучал пальцем по столу.

Раз.

Раз.

Сказал длиннее обычного.

— Пока одиннадцать, — перевела Лин. — Если договор будет — потом семьи. Потом ещё мастера.

Скорняков перестал писать.

— Какой договор?

Торум посмотрел на Даню.

— Вот теперь хороший вопрос, — сказал Даня.

Договор Торум принёс с собой.

Не бумагу.

Три каменные пластинки, связанные кожаным ремнём.

На первой были вырезаны знаки.

На второй — схематичный дом, стена и колодец.

На третьей — три одинаковых ряда коротких черт.

— Что это? — спросил Даня.

Лин поговорила с Торумом.

— Первый ряд — он. Второй — его дети. Третий — дети детей.

— У него есть дети?

— Двое.

— Они придут?

Торум ответил сам на знакомом русском, медленно:

— Если стоит.

— Что стоит?

Он ткнул пальцем в землю.

— Дом.

Потом в сторону Поляны.

— Дверь.

Потом в каменные пластинки.

— Слово.

Лин повторила смысл подробнее.

Каменные предлагали работу не на сезон.

Им нужна была земля внутри Особого поселения: под домом, двор, мастерскую, место для камня и место, где можно хоронить своих. Не собственность «навсегда» — Лин долго подбирала слово и наконец сказала «держат». Землю должны были держать за ними три поколения, пока они выполняют договор и пока существует поселение.

Взамен они строили.

Не один дом.

Дороги.

Стену вокруг уязвимой стороны Слободы.

Колодцы.

Каменный склад для серебра.

Мост через ручей — тот самый, к которому Даню зимой не выпустили без сопровождения.

Треффер слушал, перестав перебивать.

Скорняков — наоборот.

— Кто определяет, что построено достаточно?

Торум выслушал перевод.

— Стоит — достаточно.

— Сколько стоит?

— Долго.

— Это не срок.

Торум подумал.

— Три поколения.

Скорняков посмотрел на Даню.

— Нет.

— Что нет?

— Нельзя принять работу через три поколения.

Лин перевела.

Торум нахмурился впервые.

Сказал что-то подростку с двумя молотками. Тот принёс
деревянный ящик.

Теперь его открыли.

Внутри лежали четыре куска камня.

Один тёмный, почти чёрный.

Один светлый, зернистый.

Третий слоистый.

Четвёртый выглядел совершенно обычным булыжником с
дороги.

Торум взял последний и передал Скорнякову.

— Это камень, — сказал полковник.

— Да.

— И?

Торум показал на стену дома управляющего.

Потом на камень.

Лин перевела:

— Стена умрёт раньше.

— Стены не умирают.

Торум пожал плечами.

— Тогда упадёт.

Треффер взял светлый образец.

Провёл ногтем по поверхности.

Попросил нож.

Скорняков не дал.

Даня дал свой.

Подполковник сделал царапину, посмотрел на крошку, потом на Торума.

— Известняк?

Лин не знала слова.

Вал, пришедший наконец со стороны лазарета, перевёл на общий язык.

Торум покачал головой и произнёс длинное название.

Вал повторил.

— Это не известняк. По крайней мере, не совсем. Он говорит, что этот камень «пьёт воду и не пухнет». Я не обязан понимать ремесленные суеверия.

Торум посмотрел на него.

Сказал одну фразу.

Вал замолчал.

— Что? — спросил Даня.

— Он сказал, что архивисту полезно однажды построить стену.

Ниш, сидевшая на бочке, захохотала.

Вал повернулся к ней.

— А торговке — прочитать книгу.

— Читала.

— Какую?

— С ценами.

— Это счётная книга.

— Значит, полезная.

Торум уже не слушал.

Он подошёл к стене и постучал по кирпичу.

Тк.

Перешёл на два шага.

Тк.

Ещё.

Тк.

На четвёртом месте остановился.

— Пусто.

Скорняков сказал:

— Там ничего нет.

Торум показал на стену.

— Там пусто.

Треффер подошёл.

Постучал рукоятью ножа.

Ещё раз.

— Возможно, канал.

— Какой канал? — спросил Даня.

— Или старая закладка. Надо вскрыть.

Скорняков посмотрел на стену собственного штаба.

— Нет.

— Проверить нужно.

— Нет.

— Если там пустота...

— Стена стоит.

Торум сказал:

— Пока.

Скорняков повернулся к нему.

Торум не улыбался.

Стена продержалась до утра.

Не рухнула.

Просто из нижнего ряда выпал кирпич.

Потом второй.

За ними обнаружилась полость, забитая трухой и старой паклей. Вода с крыши годами уходила внутрь и размывала раствор.

Треффер стоял на коленях у вскрытого места и светил фонарём.

— Глубина больше локтя. Идёт вниз.

Скорняков смотрел на дыру.

— Заделать.

— Сначала измерить.

— Потом заделать.

— Сначала измерить.

Торум сидел на корточках рядом и ждал.

Полковник перевёл взгляд на него.

— Вы знали?

Лин перевела.

Торум ответил:

— Слышал.

— Как?

Он постучал по соседнему кирпичу.

— Пусто говорит.

Треффер резко обернулся к Дане.

— Мне нужны эти люди.

Скорняков сказал:

— Государству.

— Мне.

— Государству.

— Я буду работать с ними.

— Тогда государству через вас.

Даня сел на корточки возле дыры.

— Вы сейчас делите людей, которые ещё ничего не подписали.

Оба замолчали.

Торум спросил у Лин, о чём они.

Она перевела.

Он подумал.

— Пять лет, — сказал по-русски.

— Что пять лет?

— Думать.

Ниш прыснула.

Торум постучал по кирпичу ещё раз.

— Потом делить.

Даже Скорняков отвернулся.

Место под мастерские Треффер выбрал ещё зимой.

Торум забраковал его за семь минут.

Они пришли туда после завтрака: Даня, Скорняков, Треффер, Торум, Лин и трое Каменных с инструментами.

Участок был удобный.

Рядом дорога.

Недалеко ручей.

До Поляны — меньше версты.

Треффер показал четыре колышка.

— Длина сорок саженей. Ширина двадцать четыре. Грунт проверен в трёх точках.

Торум спросил через Лин:

— Где вода весной?

— В ручье.

Торум посмотрел на ручей.

Потом на ровную поляну.

Потом на Треффера.

— Где вода здесь?

— Здесь сухо.

Торум ударил пяткой в землю.

— Сейчас.

Треффер нахмурился.

— Весной тоже проверяли.

Торум взял железный прут, воткнул в землю и надавил.

Прут вошёл почти по рукоять.

Подполковник присел.

— Ещё.

Каменный переставил прут на три шага.

Там он ушёл наполовину.

Ещё через пять — снова глубоко.

Треффер снял перчатки.

— Шнур.

Один из строителей подал.

Через двадцать минут на земле появилась сетка.

Треффер ставил отметки.

Торум ходил медленно и иногда топал ногой.

Скорняков терпел.

Даня — не очень.

— Что вы ищете?

— Старое русло, — сказал Треффер.

— Здесь?

— Возможно.

— Вы же проверяли.

— В трёх точках.

Он показал на сетку.

— Нужно было в девяти.

Торум поправил:

— Двенадцать.

Треффер посмотрел на него.

— Девять достаточно для этой площади.

— Двенадцать.

— Почему?

Торум провёл пальцем по земле, обозначая изгиб.

Подполковник присел рядом.

Они заговорили через Лин.

Через минуту Лин перестала успевать.

— Подождите! Один говорит про воду, другой про цифры, я одна!

Треффер взял у неё мел и начал рисовать прямо на доске от ящика.

Торум понял рисунок быстрее перевода.

Добавил свою линию.

Треффер зачеркнул.

Торум вернул.

Через десять минут они уже спорили без Лин.

Цифрами.

Уклонами ладони.

Кусками земли.

Шнуром.

Скорняков посмотрел на Даню.

— Надолго.

— Думаете?

— Нашли общий язык.

К полудню они выкопали пробную яму в месте, которое

Треффер зимой не проверял.

На глубине чуть больше аршина пошла вода.

Не ручьём.

Сначала блеснула на лопате.

Потом стала собираться на дне.

Треффер присел.

Торум стоял рядом.

— Старое русло, — сказал подполковник.

— Да.

— Весной поднимется.

— Да.

— Фундамент поведёт.

Торум подумал.

— Через три года.

Треффер посмотрел на него.

— Почему не через два?

Торум указал на склон.

Начал объяснять.

Даня отошёл.

— Всё. Мы их потеряли.

Скорняков сказал:

— Зато участок спасли.

— От мастерской?

— От развала.

Это было трудно оспорить.

Новое место нашли выше, на полосе старого выгона возле

сосняка.

Там земля оказалась сухой.

Но возникла другая проблема.

— Это графская земля, — сказал Скорняков.

— Вся Слобода графская земля.

— Эта не отведена поселению.

— Отведём.

— По распоряжению Кречетова можно пользоваться отведёнными местами. Отводить новые — отдельный вопрос.

— Вы сейчас серьёзно?

— Так точно.

Торум через Лин спросил:

— Земля чья?

Даня ткнул себя в грудь.

— Моя.

Торум постучал пальцем по земле.

— Тогда дай.

Скорняков сказал:

— Нельзя так.

Лин перевела ему.

Торум посмотрел на полковника.

— Почему?

— Потому что земля входит в обеспечение поселения, а поселение — под особым управлением.

Лин попыталась перевести.

На слове «управление» остановилась.

Попробовала иначе.

Потом ещё.

Торум выслушал.

Повернулся к Дане.

— Твоя?

— Да.

Повернулся к Скорнякову.

— Не его?

— Его.

Торум помолчал.

— Плохой камень.

— Что?

Он показал на Даню, потом на Скорнякова, потом на землю.

— Трещина.

Даня засмеялся первым.

Скорняков — нет.

Но спор отложили до вечера.

К вечеру приехал Остромыслов.

Он увидел одиннадцать новых имён в книге, дыру в стене собственного временного кабинета и Треффера, который рисовал вместе с Торумом дренаж, и задал только один вопрос:

— Что уже подписали?

— Ничего, — сказал Даня.

— Хорошо.

— Вы даже не спросите, кто это?

Илья посмотрел на Торума.

— Имя?

— Торум.

— Занятие?

— Строитель.

— Сколько людей?

— Одиннадцать.

— Что хотят?

— Землю на три поколения.

Остромыслов достал блокнот.

— Вот теперь рассказывайте сначала.

Они рассказали.

К моменту, когда дошли до земли у сосняка, Илья уже исписал четыре страницы.

— Право собственности вы передать не можете без последствий, — сказал он.

— Я и не собирался.

— А что собирались?

— Дать им жить и строить.

— На три поколения.

— Да.

— Вы понимаете, что это может быть семьдесят лет? Десятью? Сто?

Торум услышал число и вмешался.

Лин перевела:

— Может сто двадцать.

Остромыслов снял очки.

— Благодарю.

Торум кивнул.

— Сто двадцать лучше.

— Для кого?

— Для стены.

Илья надел очки обратно.

— Граф, распоряжение Кречетова позволяет учитывать и снабжать новых жителей после допуска коменданта. Оно не даёт права обещать землю вашим правнукам от имени государства.

— От имени государства не буду.

— Тогда от чьего?

— От своего.

— Вы собираетесь связать имение обязательством на три поколения.

— Если они свяжут себя работой на три поколения.

Остромыслов посмотрел на Скорнякова.

— Вы что думаете?

— Нужны стены.

— Это не юридическое мнение.

— Другого нет.

Треффер поднял голову от доски.

— Нужен дренаж. Стены потом.

— И это не юридическое мнение.

— Зато измеримое.

Торум постучал пальцем по столу.

— Мы строим. Вы держите землю.

Остромыслов посмотрел на Лин.

— Он именно так сказал?

— Да.

Торум добавил.

— Мы уйдём — земля ваша. Выгоните — работа ваша,
долг ваш.

Лин перевела медленнее.

Даня спросил:

— Какой долг?

Торум пожал плечами.

— Слово.

Вал, сидевший у печи, поднял голову.

Даня сразу сказал:

— Нет. Не тот долг, о котором мы говорили. Просто сло-
во.

— Я ничего не сказал, — возмутился Вал.

— Вы подняли голову.

— Мне запрещено?

— Иногда хочется.

Остромыслов перелистнул записи.

— Можно сделать не передачу земли, а обязательство не
лишать их пользования участком при исполнении договора.

Пока участок принадлежит вам и пока поселение существует.

— Три поколения?

— Срок можно записать.

Скорняков сказал:

— А обязанности?

Начали считать.

Первое: дренаж верхней части Слободы.

Второе: каменный склад для серебра.

Третье: новый мост.

Четвёртое: мастерские.

Пятое: северная стена и укрепление дороги.

Торум выслушал список.

На стене остановил.

— Какой высоты?

Скорняков показал рукой.

Торум покачал головой.

Показал ниже.

Полковник нахмурился.

— Почему?

Торум сказал через Лин:

— Высокая тонкая. Низкая толстая. Держит дольше.

Треффер вмешался:

— Зависит от назначения.

Через пять минут спор уже шёл о толщине основания.

Остромыслов закрыл блокнот.

— Я подготовлю текст.

Даня спросил:

— К утру?

— Нет.

— Почему?

— Потому что вы просите связать частное имение, Особое поселение и людей другого мира на сто двадцать лет.

Торум сказал:

— Три поколения.

Илья посмотрел на него.

— Это не короче.

— Надёжнее.

Текст писали три дня.

За эти три дня Каменные успели сделать больше, чем бумага.

Они выкопали два дренажных канала.

Не глубоких. Правильных.

После ночного дождя вода, которая прежде стояла возле лазарета, ушла к ручью.

Торум отказался брать за это плату.

— Почему? — спросил Даня.

— Проверка.

— Чего?

Он показал на землю.

— Держит.

Потом на своих людей.

— Работаем вместе.

Потом на Даню.

— Ты смотришь.

— И?

— Пока хорошо.

На второй день они разобрали опасный участок стены штаба. За полостью оказался старый деревянный сток, давно сгнивший. Треффер нашёл в архивном плане отметку, которой никто не замечал, потому что её считали чернильным пятном.

Подполковник пришёл к Торуму с листом.

— Был сток.

Торум посмотрел.

— Был.

— Вы слышали через кирпич.

— Да.

— На какой толщине можете?

Торум подумал.

— Зависит.

Треффер улыбаться не стал.

— От чего?

Они ушли измерять стену.

На третий день Скорняков обнаружил, что Каменные сами поставили караул у своих инструментов.

— Уберите.

Торум не понял.

Лин перевела.

— Почему?

— Караул ставлю я.

— Инструмент наш.

— Земля под моей охраной.

— Инструмент наш.

Скорняков позвал Даню.

Даня позвал Остромыслова.

Остромыслов отказался приходить.

Прислал записку:

«Это не вопрос права. Договоритесь».

Даня прочёл вслух.

— Предатель.

Скорняков сказал:

— Решайте.

Торум сказал:

— Наш инструмент. Наш человек.

— Мой караул, — ответил полковник.

— Ваш человек рядом.

— Тогда два караула?

Торум подумал.

— Один ваш. Один наш.

— Это два.

— Да.

Даня потёр лоб.

— А если один пост, на нём по одному вашему и их человеку?

Скорняков посмотрел на Торума.

Торум — на Скорнякова.

— Смена? — спросил полковник.

Лин перевела.

— Четыре часа, — сказал Торум.

— Два.

— Четыре.

— Три.

Торум постучал по столбу навеса.

— Три.

На этом и сошлись.

Первый совместный караул состоял из ефрейтора Крылова и Каменного по имени Хэр. Они не знали общего языка.

К утру уже умели вместе ругать дождь.

Договор принесли на четвёртый день.

Остромыслов вошёл в кабинет с восемью листами.

Даня перевёл взгляд на толщину пачки.

— Нет.

— Вы ещё не читали.

— Уже нет.

— Тогда подпишете не читая?

— Это было бы ещё хуже.

— Поэтому читайте.

Торум сидел у стены. Перед ним лежали три каменные пластинки.

Лин — рядом, с хлебом в руке.

Скорняков стоял у окна.

Треффер принёс свои расчёты, хотя никто его не просил.

Первые два листа описывали землю.

Третий — срок.

Четвёртый и пятый — работы.

Шестой — порядок снабжения.

Седьмой — караул и ответственность.

На восьмом были подписи.

— Где три поколения? — спросил Даня.

— Страница третья, второй пункт.

Он нашёл.

«Срок пользования устанавливается продолжительностью трёх поколений семьи Торума, считая от настоящего соглашения, при условии исполнения общиной принятых работ; прекращение по инициативе владельца до истечения срока требует отдельного расчёта незавершённых обязательств».

Даня перечитал.

— «Отдельного расчёта»?

— Вы хотели написать «долга»?

— Не хотел.

— Я тоже.

Торум спросил, о чём они.

Лин перевела.

Он сказал:

— Слово достаточно.

Остромыслов ответил:

— Для вас.

Торум посмотрел на него.

— Для стены тоже.

Илья задержал перо над бумагой.

— Стена не обращается в Сенат.

Лин не смогла перевести «Сенат».

Даня махнул рукой.

— Оставь.

Он дочитал до конца.

— А если мои наследники решат всё это прекратить?

Остромыслов ответил:

— Тогда получают спор, обязательства и людей, которые предъявят эту бумагу.

— Через сто лет.

Торум сказал:

— Сто двадцать.

— Да помню я.

Скорняков подошёл к столу.

— Стена когда?

Торум ответил.

Лин перевела:

— Основа осенью. Камень зимой возить легче. Весной поднимут.

— Слишком долго.

— Быстрее — упадёт.

Треффер сказал:

— Срок разумный.

Полковник посмотрел на него.

— Вы четыре дня назад хотели начать сейчас.

— Четыре дня назад у меня было недостаточно данных.

— А теперь?

— Теперь достаточно, чтобы не начинать сейчас.

Скорняков взял перо.

— Где подписывать?

Остромыслов остановил его.

— Вы свидетель. Не сторона.

— Тогда зачем я здесь?

— Чтобы через двадцать лет никто не сказал, что комендант не знал.

— Через двадцать лет я...

Он не договорил.

Торум ждал.

Даня тоже ничего не сказал.

Скорняков ткнул пальцем в место для свидетельской подписи.

— Здесь?

— Здесь.

Подписал.

Даня поставил подпись ниже.

Потом бумагу повернули к Торуму.

Он не взял перо.

Достал маленькое зубило.

Остромыслов отдёргнул лист.

— Нет.

Торум удивился.

— Бумага.

— Именно.

Лин быстро объяснила, что зубилом бумагу не подписывают.

Торум подумал.

— Плохой материал.

— Не спорю, — сказал Остромыслов. — Но пока пользуемся.

В итоге Торум поставил знак углём, а Лин рядом написала его имя русскими буквами.

Три каменные пластинки он положил поверх договора.

— Один договор? — спросил Даня.

— Два.

Торум показал на бумагу.

— Ваш.

Потом на камень.

— Наш.

— А если они разойдутся?

Торум постучал пальцем по средней пластинке.

— Тогда плохая стена.

— Есть перевод на чиновничий?

— К сожалению, понимаю и так.

Участок у сосняка отвели в тот же день.

Скорняков поставил границы.

Торум переставил две.

Скорняков вернул одну.

Торум оставил.

Треффер потребовал место под дренаж.

Ниш потребовала место под лавку.

Ей отказали.

Через час лавка появилась за границей участка.

— Это не здесь, — объяснила она.

К вечеру Каменные начали работу.

Не строить.

Проверять.

Они ходили по земле с прутьями, шнурами и молотками.

Ставили маленькие метки. Один лёг ухом на землю. Другой полчаса смотрел, как вода уходит из ведра в выкопанную яму.

Треффер ходил за ними с тетрадю.

Скорняков — с двумя солдатами.

Даня пришёл без дела и потому мешал всем.

— Здесь будет мастерская? — спросил он.

Торум показал левее.

— Там.

— А здесь?

— Камень.

— Какой камень?

— Который будет.

— Пока его нет.

— Поэтому место пустое.

Логика была неприятно крепкой.

Торум прошёл до края будущего двора и снова постучал по земле.

Потом вбил деревянный колышек.

На колышке Лин углём написала: «ТОРУМ».

Через минуту Ниш приписала ниже: «НЕ ПРОДАЁТСЯ».

Торум прочитатель не мог.

— Что там?

Лин перевела.

Он посмотрел на Ниш.

— Хорошо.

Ниш просияла.

— За две копейки могу написать ещё.

— Не надо.

— За одну.

— Нет.

— Правильно торгуется, — сказала она Дане.

На закате Торум дошёл до северного края участка, где земля чуть поднималась к соснам. Он остановился.

Постучал молотком по вбитому пробному камню.

Раз.

Ещё раз.

Треффер подошёл первым.

— Что?

Торум показал на склон.

Потом на ручей внизу.

Потом на будущую Слободу, которая уже тянулась дальше старых границ.

Сказал несколько слов.

Лин перевела:

— Здесь основа хорошая. Вода уйдёт. Стена не поплывёт.

Скорняков спросил:

— Уверен?

Торум помолчал.

— Сто лет.

— В договоре сто двадцать.

Торум постучал по камню.

— Тогда толще.

Треффер открыл тетрадь.

— Всё. Теперь точно потеряли.

Никто не ответил.

Торум уже чертил основание будущей стены.

Пальцем по земле.

Медленно.

Потом вбил в линию первый деревянный колышек.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.